

*Памяти итальянцев,
чья храбрость и мужество вдохновили меня
на создание этой книги*

Краткая хронология Второй мировой войны в Италии

Июль 1943 года. Через несколько недель после вторжения войск союзников в Сицилию и бомбардировок Рима режим Муссолини пал. Король Италии Виктор Эммануил III назначает новым премьер-министром фельдмаршала Пьетро Бадольо¹. Муссолини арестован и заключен в тюрьму. Тем временем немцы входят в контакт с Бадольо, и тот подтверждает неразрывную верность союзу с Германией. Но немцы ему не доверяют, и генералы вермахта, на случай если итальянцы перевернутся на сторону союзников, строят планы захвата Италии.

8 сентября 1943 года. Между Италией и союзниками официально объявлено перемирие. Король Италии и Бадольо покидают Рим и находят убежище у союзников. Италия капитулирует перед союзниками, и тогда германские войска стремительно оккупируют территорию страны, включая Рим. Итальянское правительство официально объявляет о заключении мира с союзниками против нацистской Германии.

¹ *Пьетро Бадольо* — маршал Италии, герцог Аддис-Абебский, маркиз Саботино, премьер-министр Италии; приняв власть над страной после свержения Муссолини в 1943 году, объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

9 сентября 1943 года. Войска союзников совершают высадку в Сицилии, в районе города Салерно. Под интенсивным огнем артиллерийских и минометных батарей врага, скрывающихся в складках горной местности, им требуется десять дней, чтобы отбросить немцев с их позиций. В этих боях гибнет две тысячи британских солдат.

12 сентября 1943 года. По приказу Гитлера немецкие десантники освобождают Муссолини из заключения.

23 сентября 1943 года. Освобожденный немцами Муссолини объявляет себя главой вновь образованной Итальянской социальной республики. Он рассчитывает вернуться в Рим, но немцы устраивают его резиденцию на вилле в северном городке Салó, на берегу озера Гарда. Однако он уже потерял контроль над большей частью территории Италии и правит лишь крохотным, полностью зависимым от Берлина марионеточным государством. Остальная часть страны находится на военном положении, контролируемая германскими войсками.

1 октября 1943 года. В результате ожесточенных боев танки союзников освобождают Неаполь. Их войска устремляются к Риму, но, чтобы остановить их, враг умело пользуется естественными преградами Италии в виде непреодолимых рек и горных массивов. Наступление войск антигитлеровской коалиции продвигается медленно.

13 октября 1943 года. Освобожденная Италия объявляет Германии войну. Страна фактически полностью охвачена пламенем боевых действий: сражения идут не только между противниками во Второй мировой войне, но и в войне гражданской между профашистскими и антифашистскими силами Италии.

16 и 17 октября 1943 года. В Италию прибывают подкрепления войск Содружества. Следует ряд ожесточенных сражений, силы антифашистской коалиции постепенно

вытесняют немецкую армию из страны. Немцы оказывают яростное сопротивление.

Ноябрь 1943 года. В этом году начинаются события, изложенные в романе «Тосканская графиня». На данном этапе силы итальянских партизан еще плохо организованы, их деятельность главным образом исчерпывается нерегулярными диверсионными актами.

5 июня 1944 года. Войска союзников освобождают Рим. Они продвигаются к области Тоскана и далее. К этому времени численность партизанских соединений значительно возрастает, они гораздо лучше вооружены и организованы.

6 июня 1944 года. В другой части Европы, в Нормандии, осуществляется высадка союзных сил, названная «день Д» — день начала боевых действий по освобождению оккупированной немцами Франции. Несмотря на огромное как символическое, так и стратегическое значение освобождения Рима, в сознании населения Запада «день Д» приобрел гораздо большую популярность, а итальянскую кампанию союзных войск по большому счету вниманием обделяют.

29 июня 1944 года. Отступающие немецкие войска СС прорываются через Тоскану. В деревнях Сан-Панкратио и Чивителла в отместку за то, что партизаны убивают четырех немецких солдат, немцы устраивают «акцию возмездия» — настоящее кровавое побоище.

Июнь/июль 1944 года. В Тоскане свирепствуют французские формирования, так называемые «гумы», из североафриканских вооруженных отрядов марокканцев.

4 августа 1944 года. Войска союзников подходят к южным пригородам Флоренции, и начинается битва за город, которая проходит при огромной поддержке итальянских

партизан. Немецкая армия отступает, грабя и сжигая все на своем пути. Флоренция оставлена ими, заваленная горами мусора, лишенная электричества, со скудным запасом питьевой воды, без транспортных средств и практически без продуктов питания. Боевые действия сдвигаются все дальше на север.

12 августа 1944 года. В тосканской горной деревне Сант-Анна-ди-Стаццема в ответ на действия партизан войсками СС совершено массовое убийство местных жителей и беженцев. Было уничтожено 560 человек, в том числе более сотни детей. Во время дальнейшего отступления немцами совершались и другие массовые казни.

21 апреля 1945 года. Силы союзников освобождают Болонью.

28 апреля 1945 года. Партизаны захватывают и расстреливают Муссолини, тело его подвешивают за ноги на миланской площади — Пьяццале Лорето.

29 апреля 1945 года. Германское командование в Италии подписывает акт о капитуляции.

2 мая 1945 года. Капитуляция германских вооруженных сил в Италии вступает в силу через два дня после падения Берлина. За время боев с немцами погибло 50 тысяч итальянских партизан. А за все время Итальянской кампании американские и британские войска потеряли убитыми 47 тысяч человек, 300 тысяч было ранено. В боях за город Анцио потери одних только американцев составляют 59 тысяч человек. Потери германских войск насчитывают приблизительно 434 тысячи человек.

Глава 1

*Окруженная крепостной стеной
деревня Каstellо-де-Корси, Тоскана
29 июня 1944 года, 19 часов 15 минут*

На маленькой площади, окруженной домами с разбитыми окнами, балкончиками и терракотовыми крышами, тяжелый, жаркий воздух пахнет дымом. Обитатели домов либо спят, либо просто попрятались. Слышится лишь тоненький крик ласточек, но вдруг с башни, увенчанной зубчатыми бойницами, с оглушительным карканьем взлетает крупная чернокрылая ворона. За ней — еще одна. И еще. Три вороны, думает наблюдающая за ними старушка. Три вороны — это к смерти. Она сидит на стуле у порога дома, некогда принадлежавшего ее сыну, и, считая ворон, один за другим разгибает пальцы, потом делает глоток разбавленного водой вина. Вечер выдался знойным, но она, сдерживая зевоту, кутается в старенькую, накинутую на плечи шерстяную шаль.

— Ох, косточки мои, старые косточки, — бормочет старушка.

Окружающие площадь старинные каменные строения освещены золотистым сиянием солнца; в них живут люди, есть парочка магазинов и особняк с большими двустворчатými окнами и глубокими карнизами,

с которых зимой струится вода. В деревню можно попасть через единственный арочный проход с воротами, широкий и достаточно высокий, чтобы могла проехать запряженная лошадью повозка. Посаженные в глиняном бочонке пышные темно-красные розы поднимаются до второго этажа особняка; их дурманящий аромат плывет по вечернему воздуху. Уже совсем скоро солнечный шар, пока еще ярко сияющий в лазури, начнет опускаться и небо окрасится алыми красками.

Это один из редких часов тишины; однако безмятежность площади нарушается, когда по ней гулко разносится пронзительный вопль. Хлопают несколько темных ставней. Одна из них широко распахивается, из окна показывается испуганное лицо молодой женщины, которая смотрит в сторону площади.

«А что теперь? Что на этот раз?» — говорит ее взгляд.

Старушка смотрит вверх, словно она наверняка знает, «что теперь», хотя там ничего нет, кроме нескольких голубей, летящих к водоему в центре площади.

Плоскими листьями смоковницы шуршит ветерок, какой-то мальчишка бежит сквозь огромную закругленную арку и снова кричит, пытаясь догнать белую трехногую собаку, зажавшую в зубах украденную у него корку хлеба. Они пробегают вокруг водоема, мальчишка поскользывается, наступив на плод инжира, собака убегает, и старушка, глядя на это, смеется.

— Молодец, трехножка, — шепчет она.

Впрочем, старушка прекрасно знает и этого мальчишка, и его бабушку по имени Карла.

На площадь выходит женщина в синем платье и останавливается напротив башни. Она машет рукой другой женщине и указывает куда-то направо.

— Попробуйте здесь, — говорит она.

Вторая женщина проскальзывает в дверной проем и скрывается в тени его, а женщина в синем платье идет к башне и, услышав звук мотора, на мгновение останавливается. Нет, это, конечно, не немцы, их здесь уже нет. Тогда кто же, союзники? Она быстро крестится и идет дальше.

Но в это мгновение, которое она будет помнить всю свою жизнь, женщина слышит сдавленный плач. Она поднимает голову и, прикрыв ладонью глаза от солнца, смотрит на вершину башни, не в силах поверить собственным глазам. В бойнице зубчатой верхушки башни, повернувшись спиной к площади, сидит еще одна женщина. Низко склонив голову, она не двигается, не глядит по сторонам. Проходит несколько секунд. Налетает порыв ветра, женщина в синем снова смотрит вверх, озадаченно хмурясь и не вполне понимая, что происходит.

— Осторожнее! — кричит она.

Ответа нет. Как будто какая-то тень мелькнула там наверху... или ей показалось, что там есть кто-то еще? Женщина в синем снова кричит, но теперь все происходит слишком быстро, и женщина на вершине башни опасно наклоняется назад. Что-то медленно опускается вниз, изгибаясь в воздухе, ныряя и делая пируэты на ветру то вправо, то влево. Спотыкаясь, женщина в синем бежит — так быстро она еще никогда в жизни не бегала. Увидев упавший на землю шелковый платок, с гулко бьющимся сердцем она бросается к двери в башню.

Глава 2

Кастелло-де-Корси

Семью месяцами ранее — ноябрь 1943 года

Со смешанными чувствами тоски и надежды София смотрела на раскинувшиеся перед ней пейзажи Валь-д'Орча¹, где темно-бурые склоны холмов сменялись долиной, за ней другой и багряное, словно подсвеченное закатом небо, казалось, затаило дыхание. Вдали над пейзажем, словно страж на часах, мрачно возвышалась одинокая вершина горы Амиата, а между тем золотисто-алые виноградники и дубовые рощицы, словно с каким-то вызовом пылающие яркими красками в последние минуты заката, лишь усугубили жажду Софии вернуть все то, что было ими утрачено. Все ближе надвигалась зима, но София продолжала тосковать по тем подернутым дымкой летним ночам, когда, лежа рядом с ним на сене, любуясь светлячками и попивая прямо из бутылки красное вино, она лениво шевелила пальчиками босых ног.

Прежде она очень любила эти минуты неуловимого перехода, когда всего на несколько мгновений весь

¹ *Валь-д'Орча* — культурный ландшафт в Центральной Италии, объект Всемирного наследия ЮНЕСКО.

мир вдруг преобразался, становился словно подернутым некоей волшебной дымкой, казался зачарованным, нереальным, как обожала и минуты между сном и явью, когда ни сон, ни явь не могли заявить о своих правах на нее. В такие минуты можно было представить себе, что они продолжают идти вдвоем, рука об руку, среди слегка припорошенных пылью оливковых рощ, продолжают строить фантастические планы на будущее, и им даже в голову не приходит, какие испытания ждут их впереди.

Вечер неспешно превращался в черную ночь, которая сочилась в ее маленькую гостиную, и София с такой силой захлопнула скрипучие ставни, что затряслась рама окна. Закрыв и само окно, она повернулась и оглядела комнату. Присев перед камином, подбросила еще полено в огонь и, уловив крепкий, приятно бодрящий аромат сигары Лоренцо, оглянулась: он сидел на обитом синим бархатом диване, и у ног его сопели обе собаки. В такие минуты, когда в доме совсем тихо, совсем темно, к ней снова возвращались ее страхи. От пляшущих языков пламени по стенам комнаты металась тень; живые в своей чудовищной уродливости, тень прыгали чуть ли не до потолка, но как только пламя сникало, съезживались и они. Но женщина видела их отражения в его спокойных серых глазах. Софии трудно было понять, о чем он сейчас думает, что чувствует. Глаза его были печальны, да, но в этой печали сквозило нечто новое. Он похлопал по дивану рядом с собой, она потянулась и уютно пристроилась к нему.

Обеими руками он с двух сторон запустил пальцы ей в волосы, отвел упавшие на лицо пряди, и у нее возникло чувство, будто она растворяется в нем, как, впрочем, и он в ней тоже.

— Ну вот, теперь я тебя вижу, — сказал он.

— От тебя никуда не спрячешься, — отозвалась она, а потом сообщила, что ей сейчас вспомнились маковые поля.

— Правда?

— Скорее бы настал май и все это кончилось.

На лице его отразилось некоторое сомнение.

— Может, к маю еще и не кончится, — сказал он.

— Они мне приснились. Маки.

Она не стала говорить, что красные лепестки при-
снившихся маков завяли и бутоны сочились кровью.

Он поднес к глазам ее руку и стал внимательно
разглядывать сломанные ногти.

— Бедные ноготки... а что там под ними, ведь это
не краска, верно? — ласково спросил он.

— В саду ковырялась.

— Ах вот оно что... Ну а я сейчас думал про Фло-
ренцию.

— Когда еще ничего этого не случилось?

— Да, когда ты училась в институте искусств,
а я — на аграрном факультете.

Она улыбнулась, вспоминая ту беззаботную
жизнь — ей тогда было девятнадцать лет.

— Это был двадцатый год, — добавил он. —
С тех пор ты несколько не изменилась.

— Такая же маленькая? Бледненькая? Вся смор-
щенная?

— Вовсе нет, — возразил он, и в его глазах за-
плясали веселые огоньки. — Красивая, как и всегда. Вот
я уже почти седой, а ты совсем нет.

Он провел рукой по своей подернутой проседью
шевелюре.

— А мне нравится.

— В последнее время ты, кажется, почти не подхо-
дишь к мольберту, не то что прежде, да?

— С самого начала войны не писала, а вот теперь снова начала.

Они умолкли, каждый думал о своем. Софии очень хотелось еще поговорить о прежних днях, вспомнить, каким он был тогда, какой была она сама, но подходящие слова не шли на ум. Она пристально наблюдала за ним, но он лишь улыбался, и ей стало любопытно: думают ли они об одном и том же? В наступившей тишине слышно было, как потрескивают в камине дрова, тикают, отсчитывая секунду за секундой, дедушкины часы, и чем дольше длилось молчание, тем больше они отдалялись друг от друга.

— А ты... — проговорил он в конце концов, словно прочитал ее мысли.

— Что такое?

— Да нет, не важно, — сказал он и покачал головой. — Я просто... думал.

— О чем?

— Ну... ты же прекрасно знаешь...

Она неуверенно сморщила лоб. Знает? О чем же?

— О нас с тобой, — сказал он.

— Ах вот оно что... ну да...

Они замолчали, оборвав едва начавшийся разговор, и она надеялась, что они оставят эту скользкую тему. Молчание прервал он.

— София, я давно хотел тебе сказать... понимаешь, я все ждал подходящего момента. Но... на самом деле это не важно, поэтому я просто скажу тебе, в чем дело.

— Продолжай, — сказала она, услышав в собственном голосе тревогу, но всего чуточку.

Тем временем он с отрешенным видом потер подбородок.

— Дело в том, что мне скоро придется уехать, — продолжил он.

Она отстранилась и пересела на обитый ситцем диван напротив, поджав ноги и стараясь не показать виду, как ее ранило это известие.

— Что от этого изменится? Ты ведь и так вечно в отъезде.

Он поморщился:

— Но я же всегда возвращаюсь.

— Хочешь сказать, что на этот раз не вернешься? — спросила она, встревоженная мыслью о том, как она одна станет управляться со всем огромным хозяйством имения.

— Нет, я хочу сказать, что на этот раз меня не будет дольше.

— И намного дольше?

Он кивнул:

— Но я уезжаю не сразу, не прямо сейчас.

— И чем ты будешь там заниматься?

— Да так, ничего серьезного, всякие пустяки. Нет причин беспокоиться.

Его голос прозвучал как-то слишком беззаботно, и она поняла, что он хитрит.

— И все-таки, — настаивала она, — расскажи.

Он вздохнул:

— Не так давно меня попросили передать кое-какую информацию, которая может быть полезной союзникам.

— Но ведь это ужасно опасно, разве нет?

Он выдержал ее взгляд, и она поняла: конечно, это опасно.

— Ты будешь все так же работать в министерстве?

— Разумеется.

Он встал, и она краем глаза увидела, как он достает из кармана небольшой, но толстый коричневый пакет и показывает ей. Кивком головы она велела ему положить пакет на столик.

— Разве ты не хочешь взглянуть, что там? — спросил он.

— Потом.

— Ты будешь здесь в безопасности, в Каstellо? — спросил он, и она отметила в его глазах живое, неприкрытое чувство.

Вопрос его прозвучал серьезно. Он имел в виду высокие стены, их дом, не вполне замок, конечно, но вполне себе особняк в небольшой, укрепленной деревушке, существующей с тринадцатого века, попасть на территорию которой, как, впрочем, и выйти, можно только через арочный проход и стены которой ни один враг не смог преодолеть. До сих пор.

— В безопасности? Мы? Возможно.

«Но только не наши свиньи, — подумала София. — И не индейки, куры, утки, цесарки, кабаны, рогатый скот».

Ее возмущали постоянные хищения на их тридцати двух фермах. Впрочем, думала она, немудрено, что происходят кражи, ведь каждая из ферм находится внизу, далеко за пределами деревни. Легкая добыча.

— В этом году колбасы не будет, — сказала она.

В ее голосе звучала горечь, но ей было все равно.

— Но ты ведь припрятала кое-какие припасы?

— Вот именно, кое-какие, но мяса для нас и для фермеров будет мало. Как по-твоему, почему мы все время питаемся одними кроликами?

Он улыбнулся.

— А что, мне нравится кроличье мясо, — сказал он, пытаясь говорить шутливым тоном.

— Ну что ж, тем лучше.

Она бросила быстрый взгляд на свои руки.

— Что такое? — спросил он.

— Ничего, — ответила она.

Сознавая, что так и не сообщила ему о письме, София переменяла тему. В конце концов, возможно, ничего страшного не случится и она будет только рада, что не заставила его лишний раз беспокоиться.

— А что будешь делать со своим членским билетом?

Судорожно вздохнув, Лоренцо бросил на нее огорченный взгляд:

— Ты опять?

Она сразу ощетибилась:

— Но военные действия против союзников прекращены...

Снова наступило молчание, но на этот раз оно длилось недолго.

— Все ведь сейчас уже изменилось, разве не так? — продолжила она.

Он покачал головой из стороны в сторону, словно хотел размять мышцы шеи.

— Все еще очень непросто.

Лоренцо был прав. Здесь они жили в режиме объявленного немцами военного положения, и из соображений безопасности он должен был носить с собой членский билет фашистской партии.

— Все изменилось на юге, на территории, уже занятой союзниками, — добавил он. — Но ты ведь знаешь, почти всю страну захватили нацисты. И ты либо с ними, либо против них, третьего не дано.

— Значит, они продолжают думать, что ты с ними.

София надеялась, что он будет носить с собой членский билет как-нибудь незаметно, не демонстрируя его без особой надобности. Она все понимала. На самом деле понимала. Ему не хотелось об этом говорить. Данная тема являлась больной для них с 1932 года, когда все государственные служащие должны были

вступить в фашистскую партию и получить партийные билеты, в противном случае они теряли работу. Понимать-то понимала, но не до конца: ведь Лоренцо в работе не очень нуждался, средств им вполне хватало — они получали доходы и с имения, и с ценных бумаг, в которые были вложены деньги. Но он продолжил службу в Министерстве сельского хозяйства — его поступками руководила страстная любовь к земле. Внимание его привлекла так называемая программа комплексной мелиорации Муссолини, подъем и рекультивация заброшенных или неиспользуемых земель. Стоит только посмотреть на земли Валь-д'Орча, культивированные в результате фантастически смелой реформы, когда Лоренцо занимал пост вице-президента местного консорциума. Безжизненные, покрытые пылью пейзажи здесь преобразились в плодородные поля и цветущие сады, которые стали давать обильные урожаи.

Тем не менее она не могла не думать о своем интеллигентном и ужасно умном отце, который отказался вступать в партию и сейчас живет вместе с ее матерью в Риме, в богатых апартаментах палаццо эпохи Возрождения, и едва сводит концы с концами.

— Догадываюсь, о чем ты думаешь, — сказал Лоренцо с едва заметной печальной улыбкой.

— Правда? — улыбнулась она в ответ.

Он встал и протянул ей руки. Она пошла к нему, они обнялись и какое-то время постояли так, легонько раскачиваясь.

— И что же лежит в этом пакете? — спросила Софья, бросив быстрый взгляд на кофейный столик.

Он на миг сощурился, потом заглянул ей в лицо:

— Это такой небольшой пистолетик.

— Господи Иисусе! — потрясенно воскликнула она. — Тебе теперь нужен пистолет?

— Вообще-то, у меня уже есть... а этот пистолет для тебя.

— Думаешь, мне понадобится?

— Кто знает... все может быть.

— И ты собирался преподнести его мне, как какую-нибудь коробку конфет?

Он не ответил.

«Пистолет, боже мой!» — мелькнула у нее в голове мысль. Но София решила обдумать все это потом.

Лоренцо слегка отстранился, заглянул ей в глаза:

— Глаза у тебя черные, как ночь, а голос как сладкая музыка.

Она засмеялась:

— Ты меняешь тему... Впрочем, ты всегда это мне говоришь.

— А еще я всегда говорю, что готов всю жизнь глядеть в бездонную глубину твоих глаз и слушать твой голос.

Он вынул из ее прически гребень, и ее волосы густой волной упали до самого пояса.

— Кстати, к нам могли бы приехать твои родители. Я бы не возражал. Обстановка в Риме становится все хуже.

— Ты же знаешь, они не поедут.

Конечно, она была права. Всего они ей не рассказывали, но София поняла: они там в чем-то таком участвуют. А «участвовать в чем-то таком» в Риме с каждым днем становилось все опаснее.

— Карла все еще здесь? — прошептал он ей на ухо и нежно прикусил мочку.

По телу ее прошла знакомая дрожь. По крайней мере, это между ними осталось.

— Пошла к дочке, укладывать маленького Альберто. Ушла надолго. Мало ли какая помощь понадо-

биться, работа всегда найдется... — сказала она, хотя сама знала, чем Карла будет там заниматься.

София на секунду представила, как Карла, сторбившись под дождем, спешит по узенькому мощеному переулку к выстроившимся в ряд маленьким домишкам из камня, притаившимся в тени высокой колокольни. Стена словно сбила эти домишки вплотную один к другому; кажется, они заботливо поддерживают друг друга, как и обитающие в них люди в это нелегкое время.

— А Джулия? — спросил Лоренцо.

— Ушла домой. Весь дом в нашем распоряжении.

Она видела, как смягчился его взгляд.

— Тогда я подкину в камин еще поленце, а ты снимай платье. Мне хочется почувствовать твою кожу.

Она рассмеялась:

— Что, прямо перед камином?

Она тоже желала его, и для нее это было важнее, чем война, важнее, чем выживание, победа или поражение, важнее, чем заботы о хлебе насущном. Это чувство само по себе давало силы переносить все, что с ними происходит, потому что она страшилась утра, когда она будет сидеть напротив мужа, пить ячменный кофе и не понимать, что он такое, не знать, кем он стал теперь.

С обитого бархатом дивана она взяла две подушки и старенькое одеяло с ворсом, прикрывающее облысевшее место. Потом разделась и улеглась на коврик, лежащий на отделанном цветным изразцом полу, и стала смотреть, как раздевается Лоренцо. Высокого роста, стройный, с широкими, лоснящимися в свете пылающего камина плечами.

— А носки? — указала она пальцем на его ноги.

Он засмеялся, но уступил, а потом проскользнул к ней под одеяло. Ее охватила дрожь. Где-то за креп-

кими стенами деревни скоплялись призраки этой войны, и число их росло. Наблюдают ли эти призраки за ними теперь, ревниво, завистливо, жаждут ли снова вернуться в пронизанную теплом атмосферу их жизни? Или она дрожит просто от холода? Ноябрьские ночи холодные, а тепло от камина греет только с одной стороны.

Лоренцо энергично потер ей спину, и она засмеялась:

— Я тебе что, собачка, что ли?

Он поцеловал ее в лоб, а потом еще в кончик носа.

— Нет, и я давно это заметил.

Согревшись, они сразу же перешли к горячим любовным ласкам. Так у них происходило всегда. Они не боялись стать жертвой привычки или утраты интереса друг к другу, что обычно приводит к неверности. Напротив, искра, возникающая между ними, всегда росла и разгоралась; вот и сейчас она разгорается, превращаясь во все более прочные, глубинные узы. И оба понимали, что человеческая близость, внутреннее родство, близость физическая, любовь, назови это как угодно, — единственное, что может их спасти, может помочь им выжить. Она вздохнула, и с каждым прикосновением его губ мысли ее рассеивались, бледнели, пока она полностью не отдалась ощущению их согласованно движущихся тел, как и следовало тому быть. Все будет хорошо. Иначе и быть не может.